

Фото Игоря ИВАНИЦКОВА

СОВЕРШАЙТЕ ПОДВИГИ ТАМ, ГДЕ ВЫ СТОИТЕ

Бер. кнур. - 2000.-19 мая.-с.3.

Александр Солженицын и его заповеди

В доме было 48 томов Джека Лондона

— Входя в это здание, трудно не иметь скорби о горестном состоянии Ленинской библиотеки. Но давайте выйдем за пределы Москвы и задумаемся о зданиях многочисленных российских библиотек, у которых уже вообще ничего нет многие годы. Одним, правда, что-то присыпают разные дяди, лукавые дяди. Но нет свежего притока, свежей мысли, свежих книг.

А годы идут. Книги все-таки особенно важны в ранние годы, когда досуг есть. У меня в детстве было всего полка книг: что досталось, тем и жил. В доме было 48 томов Джека Лондона и полное собрание сочинений Ибсена. Ну что я тогда мог понимать в Ибсене? Но прочитал и впитал. Кстати, особенно меня подпитывал "Словарь" Даля. А в десять лет я наконец дешёл до "Войны и мира".

Основная проблема библиотек: в фонде книги есть, а в каталоге нет. Из-за различных прошлых запретов, конечно. Как узнать или найти то, что надо? Когда еще в те времена я работал над "Красным колесом", мне потребовалась одна книга — "Записки пропорщик-артиллериста" Степуна. Я спросил у библиотекаря, а она посмотрела на меня с ужасом и ответила: "Да вы что?! Да вы знаете, кто это такой? Это же враг народа!" И подобных случаев много.

...О моих книгах что говорят, когда они сами за себя говорят. Жалко, что они с опозданием появляются. А когда меня просят разъяснить замысел — это уж совсем последнее дело, писателю объяснять свои произведения.

Проглядели великое горе, шедшее в оранжевых хламидах счастья

— Сейчас наступает разрыв культурного пространства. Он происходит из-за четырех аспектов. Первый — возрастной.

Второй — географический. Его я особенно ощущал, обхажив двадцать семь областей России. Туда вообще не доходят центральные печатные издания. Выписывать журналы, художественные или исторические, не по силам российским учителям. А мы из Москвы туда, вглубь, смотрим и думаем: "Неведомая страна!" Кроме как на выборах мы о ней и не слышим.

Третий разрыв — исторический. Когда я учился в школе, у нас запрещали слово "история". История начиналась в девятом классе с нидерландской революции, а потом сразу шла "История партии". А "Истории России" и в помине не было. Была лишь "История СССР".

Люди с исследовательскими способностями направляли себя только в доступные русла. А доступными руслами в те времена были

декабристы и Николай Первый. Этой эпохе повезло: каждое перышко, каждая песчинка известны. Когда я решил писать о нашей революции, то пришел в ужас: материалов не было! И поэтому "Красное колесо" я писал двадцать один год.

Кстати, только в ГУЛАГе, от людей я узнал то, чего нельзя было прочитать. Я там узнал полный комплект всего напечатанного с XIX века и всю эмигрантскую литературу. И только там я понял, как многое мы не знали. Но этот исторический разрыв и сегодня остается. И вместе с предыдущими аспектами еще более усугубляется.

Пройдя все школы революции, я понял, что мы опаздываем. Сравнил февраль 1917 года и наш переворот в середине 80-х. И там, и там море радости и сплошная эйфория. Но за радостью-то и пряталась беда. Народ должен учиться на ошибках, а у нас в 80-е произошло то же самое, что и в 1917-м. Ну как можно биться головой об одно и то же!

Четвертый — мировоззренческий разрыв. Это была главная причина Февральской революции. В советское время этот разрыв был подавлен. Еще в 1969 году я написал: "Больно было, когда у народа отняли свободу слова, больнее будет, когда ее вновь вернут". И я предсказал это на примере той революции. Так и произошло. У нас семьдесят лет не было слова. В 17-м и в 89-м были свои опасности, но и там, и там образованный класс все пропустил. Вместо того, чтобы проверить, что за розовым за-

навесом перестройки делается, ударились в распри. Проглядели великолепие горы, пущенное в оранжевых хламидах счастья.

Все эти аспекты можно преодолеть лишь свободным движением печатного слова. Конечно, телевидение связывает общество и культуру, но оно никогда не заменит настоящей культурной информации.

"Красное колесо" прочтут после меня

— Не пугает ли вас то, что вы сейчас во многом солидарны с коммунистической партией?

— Так думать — все равно что считать меня тяжело больным. Это меня при советской власти спрашивали: "А вас не смущает, что вы совпадаете с тем-то и тем-то?.." И теперь получать подобные упреки? Мало ли, что с чем совпадает! Как можно так политически мыслить! Одна партия — плохо, а много — лучше, что ли? Лучше вообще без партий. Хорошо, когда нет ни одной.

— Чем вы объясните, что "Красное колесо" имело меньший отклик у публики, чем "Архипелаг ГУЛАГ" или "В круге первом"?

— Разрывом исторического сознания. Стала ломаться издательская система, и пришлося рукописи раздавать по разным изданиям. И некоторые издания потом вообще трудно было найти. Никто не брал книгу для единой публикации. Слишком уж огромное произведение. Я его писал

двадцать один год, а читать его, представляете, сколько! После меня когда-нибудь прочтут.

Если мы падали 70 лет, то на подъем уйдет не меньше 150-ти

— Роль православной церкви в России?

— Народ стал арелигиозен. Только некоторые секты ведут себя активно. Но православная церковь затянута и разгромлена привычкой мировоззренческого разрыва. Ведь еще до большевиков было стыдно креститься и причащаться. И на них валить все не надо. Разрыв громадный, и если мы падали 70 лет, то на подъем уйдет не меньше 150-ти. Сейчас сопротивление религии тоже не из-за большевиков. Иногда самые светлые умы противят. Поймем ли мы, что наше духовное падение серьезнее физического?

— А о старообрядчестве что думаете?

— Раскол церкви в XVII веке — страшное событие. В старообрядческой России не было бы революции. Мы ее готовили с XVII века. Судьбу себе готовили.

Нужно было начинать с местного самоуправления. Еще Горбачеву. Только ростом местного самоуправления раскрывается талант народа. Но у нас в Конституции об этом вскользь упомянуто. Есть закон, который душит самоуправление. Губернаторы получили свободу, но они ее распространяют только на себя. Остальных районных и окружных руководителей это не касается. Они не свободны. Получается четкая иерархия.

— Как создать институт порядочных людей в России?

— Он вырастет только из местного самоуправления. По профессиональному и производственным принципам. Самому такой институт не создать. Можно ли сделать высокие, здоровые сосны?

— А закон о семи федеративных округах преодолеет географический разрыв?

— Этот закон еще себя четко не проявил. В нем многое не ясно. Чтобы судить, нужно узнать о нем подробнее. В лучшем случае этот указ поможет преодолеть распад России. Ведь он идет, и это страшно.

Разрослись пустоцветия

— Какие газеты и журналы должны обязательно существовать?

— Чем больше, тем лучше. Раз есть периодические издания, то они должны быть шире представлены. Конечно, если все читать, утонешь. Но все равно, важно все.

— Какова роль книги в жизни?

— Колossalная. А то мы выходим из эпохи Гутенберга из-за безделушек.

— Что влияет на нравственное сознание публики — писатель или бытие?

— Сегодня серьезные писатели подавлены и лишиены материальных средств. Разрослись пустоцветия. Они гремят, но какие у них импульсы? Только бы не было ответственности перед читателем. "Я певец самого себя". Теперь позорно зарекаться, что литература должна служить человеку и обществу. Чтобы повлиять идеями — такого и в помине нет!

Творческий метод: только бы не простота и не ясность. И ни в коем случае не сердечно! Создается лжеэртельность. Идет клубнение фантазий. Потом все это проваливается в черную дыру. А фантазировать легче, чем искать правду жизни.

Как же может быть виноват только Ельцин?

— В образовательных и педагогических программах участво-

вать не собираетесь?

— Я сотрудничаю со многими педагогическими изданиями. Если бы у меня была еще одна жизнь, то я бы отдал ее школе. Но у меня ее нет. А сегодня нам подсовывают реформы одна глупее другой.

— Интернетом пользуетесь?

— Я человек старомодный. Мне за техническими новинками не удастся. Я не понимаю этой техники. А об Интернете у меня еще не сложилось мнение.

— Что вы думаете о привлечении Ельцина к уголовной ответственности?

— Указа об обвинении не может быть, это уж точно. А то это позор, все-таки не один человек виноват. У нас что-то позабыли значение слова "олигархия". Ведь олигархия — это те, кто толкается наверху. Как же может быть виноват только Ельцин?

Есть ценности выше человека

— Где сегодня совершают подвиги?

— Там, где вы стоите, там и совершаите. Правда, можно место поменять. Мы потеряли систему ценностей. Мы заражены гуманизмом. Мы привыкли, что человек выше всего, а есть ценности выше человека. Антропоцентризм нас погубит.

— Как вы относитесь к вопросу о земле?

— Земля должна быть у землевладельцев. Необходимо, чтобы земельные банки могли давать долгосрочные кредиты под маленькие проценты. Земля должна кормить. А все только и делают, что занимаются ее куплей-продажей.

— Не переоцениваете ли вы голос народа, заставляя его прислушаться к голосу разума?

— Начало в том, чтобы защищать душу свою от помоев и мусора.

Вырабатывать национальную идею — это балаган

— Не ошибаетесь ли вы, утверждая, что Шолохов — автор "Тихого Дона"?

— Мое мнение об этом вообщем третично. Когда я мальчиком жил в Ростове-на-Дону, уже тогда говорили, что рукописи и черновики "Тихого Дона" украли. Только запрещалось об этом говорить. В том, что "Тихий Дон" — великая книга, я никогда не сомневался. Пусть разбираются те, кому нужно. Не я эту проблему придумал.

— Что вам в Америке больше всего понравилось?

— Библиотеки. Прямо на месте все получаешь!

— Почему вы не подаете заявку на депутатство в Госдуму?

— Потому что это не в моей квалификации.

— Будет ли у вас своя программа на ТВ?

— Мою программу закрыли, когда я что-то про Чечню сказал. А вот то, что я пять лет назад говорил о Великой Отечественной войне, недавно показали по телевизору.

— Но есть же еще что-то положительное в России?

— В своем путешествии я увидел множество людей, которые созидаются и хотят вложить себя в творчество. Но их давят, не поддерживают. Потенциал в нашем народе еще есть. Я только им живу и дышу. И в письмах, которые получаю, тоже это чувствую. Только вот традиция невмешательства в нашу душу еле-еле дышит. Кстати, вырабатывать национальную идею — это балаган! Интуиция более высокий способ познания, чем научный, и национальная идея должна родиться сама.

Записала
Татьяна ХОВРИНА

Современное № 11
19.5.2000